

НАШ КАМЕНЯР

пере
«Шум газет» 1976, 4 семі. №35

ПИСАТЬ об Иване Франко — это значит, кроме всего прочего, бороться с самим собой, то присоединяясь к тем, кто будто бы постиг всю значимость этой фигуры, то подерживая бесплодное стремление объять необъятное. В этой борьбе никто не побеждает, она бесконечна, но кто ощутил ее в себе, тот навеки полюбил Ивана Франко и — написал или нет что-либо достойное этой любви — обогатился драгоценным чувством уважения к одному из великих сынов человечества.

Кровное родство с Иваном Франко (я убежден, что его ощущают все народы нашей Отчизны, живущие по законам социалистического братства) делает нам честь.

Он — гениальный поэт. Именно как поэт мы видим его рядом с самыми выдающимися мировыми мастерами, а в родной литературе он, пожалуй, единственный, кто имеет право занять место на недостижимой высоте Шевченко. В мировой литературе немного таких людей, которые, подобно Ивану Франко, гений поэта в своей душе соединили бы с десятью другими талантами. Кажется, вечной загадкой психологии будет факт, что добрый десяток гениальных людей, не схожих пристрастиями и симпатиями своими, требованиями профессий и призвания своего, сотрудничали и жили вместе под одним именем: Иван Франко.

Он — безграничная страна, которая до сих пор не имеет своей точной, научной карты. Есть в той стране места и дороги, хорошо знакомые всем, кто имеет даже первое, школьное представление об украинской литературе. Но есть и пространства, которые должны быть обозначены картографами франковедения как terra incognita. 50-томное издание произведений Франко, над которым работает Академия наук СССР (первые книги уже появились в магазинах), будет попыткой впервые собрать и систематизировать большую часть всего, что написал этот один из самых больших в мире тружеников пера.

Он — могучий разум, который формировался в непрестанной борьбе с духовной отсталостью своего окружения. Время, в которое творил Франко (1876—1916 гг.), — трагическое сорокалетие в жизни народа. Капитализм в Галиции был немощным, но именно это и являлось причиной его жестокости: произвол первых промышленников не ограничивался ничем, их не сдерживал еще страх перед рабочей солидарностью, революционного рабочего класса еще не было. Крестья, поставленные в галицийских селах в честь отмены барщины в 1848 году, подгнивали и падали. Они так и не стали знаками свободы, потому что народ не был снят с креста. Подати, борьбы, фактическая барщина, темнота на селе, нищенские рабочие слободки Борислава, робкие еще огни первых сходок, интеллигенция, разьедаемая мелкими ссорами, доходящими до смехотворных «азбучных войн», отсутствие разработанного литературного языка, скользкая и угодническая галицийская псевдоаристократия, ограниченная поповскими представлениями, отсутствие той серьезной, сознательной силы, которая повела бы борьбу за социальное и национальное освобождение... Такой застал Иван Франко Галицию; но очень отличалась от нее и приднепровская Украина.

А когда Франко несли на Лычаковское кладбище во Львове поздней весной 1916

Рисунок В. КАСИЯНА

года, в воздухе уже висела идея революции, ею дышали вместе с русскими братьями украинские пролетарии и крестьяне, они ждали ее сигналов, они были готовы понять ленинские «Апрельские тезисы», не удивляться, а лишь приветствовать треск падающих тронов в Вене и Петербурге. В этом была и его заслуга, Ивана Франко. Он вдохновил не одно поколение борцов за человеческие права угнетенных классов и угнетенных народов. «Бессмертная искра Прометей», та колющая искорка отцовской кузницы, что угодила рыженькому мальчику в сердце и не погасла, разгорелась в нем мировым костром, у которого грелись не только гонимые и обиженные, но и те, кто хотел зарядиться его могучим светом и теплом, чтобы поделиться им с другими.

Мы помним знаменитую франковскую метафору о том, что роднит творца с деревом: корни — в национальной почве, крона — в общечеловеческом небе. Таков был и он сам. Несмотря на жестокие зарубки, оставленные на коре дерева Ивана Франко украинскими националистами и шовинистами, это дерево не дало ни одного горького плода национальной узости или злобы. Он всегда отличал правительства от народов, интересы вельмож от забот сеятеля и учителя.

Интернационализм Франко был глубоким идейным убеждением, наивысшей мудростью борьбы за независимость, необходимым условием развития национальной культуры, понятием классовой борьбы и справедливости.

Программа борьбы у Франко — личная и гражданская — в «Камнемолах». Эта небольшая поэма стоит многих томов. По размаху обобщения «Камнемолов» можно сравнить разве что с шевченковским «Сном». Если в поэме Шевченко было философски осознано и художественно изображено уродство монархической власти, то у Франко показан механизм человеческого прогресса, оптимистическая трагедия человечества, которое дорогой ценой платит за каждый шаг своего движения по дороге правды и прогресса. Так широко мыслить, как мыслил двадцатилетний студент Львовского университета, так точно передавать поэтическим словом высшие, порой сокровенные идеи своей эпохи мог только человек незаурядный.

Он — гигантская мастерская литературного творчества. Бесконечное число замыслов одновременно могло зреть в гнездах его творческого сознания, тысячи жарптиц проклюнулись из них. А сколько сгорело, погибло вместе с ним на смертном одре...

Когда-то Михаил Коцюбинский, размышляя об Иване Франко, высказывал сомнения, кому же «отдать предпочтение: поэту-борьбы или поэту-лирику, певцу любви и настроений? Но были

люди, которые, ни в чем не сомневаясь, «рассекали» Франко, начисто отбрасывали «поэту-борьбы», а «певца любви» провозглашали декадентом, верным последователем родоначальников «новой литературной эры». Не будем вспоминать, как Франко сам перечеркнул эти утверждения негодующим словом. Для нас совершенно очевидно, что после сборника «Вершины и низины» он создавал не антитезу программы революционной молодости, а вещи, которые не могли не родиться в глубинах франковского духа по законам человечности, которыми не только мыслил, но и жил поэт. Для нас драма «Увядших листьев», как и многих других маленьких драм франковской поэзии, — это память искренности гения, образ его человеческих мук, но не душевного упадка, как утверждали иные его толкователи.

«Только тот писатель может иметь ныне какое-то значение, — утверждал Иван Франко, — кто хочет и может сказать всему просвещенному человечеству какое-то свое слово в тех больших вопросах, которые тревожат его душу...»

Есть ли что сказать Ивану Франко человечеству 70-х годов XX столетия? Разум и братство, труд и любовь — это четыре кариатиды грандиозного дома франковского творчества, четыре гранитные фигуры, которым он придал черты идеала. И так, как он их изваял, стоят они перед нами, и мы не видим на них примет ушедшего времени, не ощущаем эстетической потребности переодеть их, причесть или изменить выражение лица.

Социальные, национальные, моральные, литературные истины Франко видел с позиций классовых, но глаз его не упустил и самого тонкого чувства, которое свойственно человеку. Мы обращаемся за советом к Франко в самых различных житейских вопросах. Мы чувствуем, как его интимный стих пульсирует в жилах молодежи. Мы видим, как образы его «Увядших листьев», обновившись весной нашей жизни, трепещут на дереве украинской лирики, и знаем, что никакие ветры и бури не сорвут их. А когда мы хотим охарактеризовать, скажем, какое-то выдающееся литературное явление прошлого, то обращаемся к его критическому наследию. Мы до сих пор пользуемся франковскими переводами с многих языков Европы и Азии, потому что нужны еще годы, чтобы даже силами наших отличных переводчиков наново, на уровне развитого в советское время украинского литературного языка, перевести все то, что перевел один Франко.

Жизненный закон Ивана Франко записан в строчках:

Пісня і праця — великі дві сили,
Ті я бажаю до смертю служити.

Песня и труд — душевная и общественная гармония, любовь и уважение к человеку. Если труд воспринимать без песни, то есть если не подчинить его благородному идеалу, он может обернуться фикцией, руководимой только желудком.

Иван Франко подчинил свой титанический труд идеалу свободы и равенства. Он сам написал столько, сколько, наверное, написали все украинские литераторы дооктябрьского времени. Его трудов слишком много для бессмертия одного человека, потому его подвижничеством обессмертился народ.

Дмитро ПАВЛЫЧКО